

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE AND PUBLIC ASSOCIATIONS: PROBLEMS OF INTERRELATIONS

A. Zelenin
S. Gavrilov
A. Blinov

Summary: The article provides a description of the main areas of interaction between prosecutorial supervision bodies and prosecutorial officials with public structures of the Soviet period of Russian statehood. It notes the wide variability of this cooperation, founded during the period of intensified social creativity of the era of revolutionary transformations, and subsequently subjected to bureaucratic degeneration and formalization. The activities of public prosecutors, prosecutorial assistance groups and socialist part-time workers are considered. It is concluded that the final decline in the role of public institutions, including public prosecution, was associated with the general patterns of stagnation processes in various spheres of society during the final period of Soviet statehood in the 1970s – first half of the 1980s.

Keywords: soviet prosecutor's office, public prosecution, prosecutor's office assistance groups.

Зеленин Алексей Анатольевич
доктор политических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
aazelenin@yandex.ru

Гаврилов Станислав Олегович
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
gavrosh66@mail.ru

Блинов Алексей Владимирович
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
blinov_alexey_vlad@mail.ru

Аннотация: В статье дана характеристика основных направлений взаимодействия органов прокурорского надзора и должностных лиц прокуратуры с общественными структурами советского периода российской государственности. Отмечается широкая вариативность данного сотрудничества, основанного в период активизации социального творчества эпохи революционных преобразований, и подвергшегося в дальнейшем бюрократическому перерождению и формализации. Рассматривается деятельность институтов общественных обвинителей, групп содействия прокуратуре и социалистических совместителей. Формулируется вывод о том, что окончательное снижение роли общественных институтов, в том числе общественного обвинения, было связано с общими закономерностями процессов стагнации в различных сферах жизнедеятельности общества на протяжении завершающего периода советской государственности в 1970 – 1-й пол. 1980-х гг.

Ключевые слова: советская прокуратура, общественное обвинение, группы содействия прокуратуре.

На протяжении семидесяти пяти лет существования советского государства характер участия общественных институтов в функционировании органов правопорядка отличался значительной вариативностью. Сразу после Октябрьской революции наблюдалась высокая степень революционной активности, стимулировавшая активное вовлечение широкой публики в сферу охраны законности и порядка. Однако уже к началу тридцатых годов выявляется отчетливая ориентация на формализацию показателей эффективности, выражавшаяся преимущественно в увеличении численных показателей вовлеченных лиц – согласно официальным данным, численность активистов юридической сферы достигла отметки свыше одного миллиона человек (1 082 603 человека) [3, с. 5]. Параллельно этому процессу формируется устойчивая тенденция регламентации общественного участия, характеризующаяся развитием бюрократического аппарата управления деятельностью соответствующих структур, обусловленная преобладанием формальных критериев оценки над содержательными аспектами выполнения возложенных функций.

Анализ архивных материалов ГАРФ и РГАСПИ, а также исследования специализированной научной и публицистической литературы, осуществленные нами за временной интервал от начала 1940-х до первой половины 1950-х гг., убедительно свидетельствуют об отсутствии документальных свидетельств относительно вовлечения представителей общественности в деятельность органов прокуратуры. Данная позиция находит свое подтверждение еще в учебнике, подготовленном В.Г. Лебединским и Ю.А. Каленовой «Прокурорский надзор в СССР» [8], который также не содержит каких-либо нормативных положений касательно взаимодействия правоохранительных структур с представителями гражданского общества.

Отдельно стоит отметить, что Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное Президиумом Верховного Совета СССР 24 мая 1955 г., также не регламентирует данного аспекта правовой практики, отражая специфику функционирования советских правовых институтов того периода.

Переход к концу 1950-х–началу 1960-х гг. характеризуется активным обсуждением проблем оптимизации организационных форм взаимодействия государства и гражданских объединений, однако теоретико-методологические изыскания отдельных авторов нередко отличались отсутствием конструктивной критичности и объективности анализа. Так, ряд исследователей склонялся к абсолютизации процессов передачи части функций государственных учреждений общественным структурам, рассматривая этот процесс исключительно через призму линейного развития общественного самоуправления и минимального вмешательства централизованных механизмов власти. Оптимизм подобного подхода достигал апогея в прогнозировании перспектив активизации гражданской активности в сфере противодействия криминальным проявлениям, что, впрочем, оказалось преждевременным ввиду недостаточной готовности социальной среды к восприятию такого рода реформаторских изменений.

Общественное сознание того времени демонстрировало устойчивое отсутствие инициативности и мотивации к выполнению добровольческих обязанностей в области обеспечения правопорядка, следствием чего стала необходимость инициирования государственных мер поддержки, выражавшихся преимущественно в форме материального вознаграждения соответствующих групп населения. Тем не менее, эффективность указанных мероприятий оказалась весьма низкой вследствие несовершенства стимулов и недостаточности проработанности управленческой стратегии, что обусловило недостаточность ресурсных затрат и неудовлетворительные результаты осуществления данной программы.

Анализ функционирования общественных структур в правовой сфере часто характеризовался тенденцией замещения реальных показателей желаемыми значениями. Со временем наблюдался процесс девальвации роли существующих социальных институтов в области обеспечения правопорядка. Параллельно этому в научной литературе публиковались завышенные статистические данные относительно масштабов вовлечения представителей гражданского общества в деятельность правоохранительных органов.

Для объяснения данного феномена представляется необходимым проведение комплексного научного исследования процесса формирования и эволюции взаимоотношений государственных учреждений и гражданских инициатив.

Данная статья посвящена исследованию происхождения и деятельности специализированных организаций, включая институты народных обвинителей, групп поддержки прокуратуры, а также института социалистического совмещения функций прокурора.

Отметим, что формирование советской государственности сопровождалось концептуальным обоснованием целесообразности включения широкого круга населения в повседневную управленческую практику.

Так, гражданское общество активно участвовало в поддержке работы прокуратуры посредством оказания содействия в реализации контроля соблюдения норм права и обеспечении законности, осуществляя функции общественного контроля и поддерживая отправление правосудия. Этот феномен был обусловлен двумя ключевыми факторами: высоким уровнем социальной активности среди широких слоёв населения после революции и дефицитом квалифицированных кадров внутри структуры прокуратуры (специалисты старой формации подверглись недоверию, а формирование нового корпуса сотрудников ещё не завершилось).

Решение IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. содержало указание Народному комиссариату юстиции усилить активность по вовлечению рабочего класса и крестьянства в самостоятельное участие в контроле за соблюдением законности [11, с. 337].

Обзор деятельности судебной системы СССР начала 1923 г. демонстрирует значительное внимание, уделяемое прокуратурой политическим аспектам своей деятельности, а именно укреплению связей с пролетарскими слоями населения [2, с.17]. При этом Народный комиссариат юстиции подчеркивал необходимость предотвращения бюрократизации и трансформации прокуратуры исключительно в бюрократический институт, неоднократно указывая на это обстоятельство в инструкциях ведомства. Циркуляром от 9 ноября 1923 г. четко формулировалось требование поддержания теснейшей взаимосвязи каждого сотрудника прокуратуры с местными органами профсоюзов и широкой рабочей средой для полного выполнения поставленных перед ведомством целей и задач [18, с. 98–102].

В течение периода 1920-х гг. начали формироваться разнообразные структуры общественной поддержки, направленные на содействие правоохранительным органам, включая прокуратуру. Эти объединения зачастую отличались отсутствием строго регламентированной организационной структуры и систематизированных механизмов взаимодействия с государственными структурами. Особенную сложность представляла низкая образовательная подготовка членов общественных объединений, преимущественно жителей сельских районов, проявлявших низкий уровень осведомлённости относительно политического контекста эпохи и правового регулирования, ограничиваясь лишь интуитивным восприятием революционных призывов.

Значительную важность имело учреждение инсти-

тута общественного обвинения в судебной практике. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал возможность привлечения к процессуальных действиям широкого круга субъектов, включающего сотрудников правоохранительных структур, потерпевших, представителей трудовых коллективов, а также специализированных инспекций по вопросам здравоохранения, продовольствия и иных сфер компетенции государственных учреждений. Важной особенностью данного положения являлся факт предоставления профессиональным союзам возможности самостоятельного участия в судебных разбирательствах без предварительного одобрения от надзорных органов прокуратуры, выступая непосредственно в роли общественных обвинителей [23, с.222].

3 января 1923 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР был выпущен специализированный циркуляр, определяющий функции прокуратуры и регулирующий правила включения общественных обвинителей в судебные процессы, который подписал Н.В. Крыленко.

Данный документ подчёркивал значимость принципа активного вовлечённости каждого гражданина РСФСР в деятельность по защите правопорядка путём наделения правом информирования органов прокуратуры о любых нарушениях советского законодательства. Прокуратура должна была развивать этот потенциал, обеспечивая реализацию соответствующих последствий посредством интеграции заявителей в процесс поддержания судебного обвинения [5, с. 283].

Государственное законодательство обеспечивало гарантии защиты гражданских прав и интересов общественных обвинителей, устанавливая серьёзную ответственность за нарушения их законных полномочий.

Количество общественных обвинителей стабильно увеличивалось, демонстрируя расширение спектра функций, выполняемых ими совместно с представителями прокуратуры. Они активно участвовали в контрольных мероприятиях, организуемых прокуратурой, проверяли функционирование судебно-следственных инстанций, занимались приёмом и обработкой обращений граждан, проводили просветительские мероприятия по вопросам права и другие виды активности [16, с. 32].

Однако подобная практика сопровождалась рядом недостатков, обусловленных недостаточной подготовкой самих общественных обвинителей, большинство которых являлись лицами с низким уровнем образования. Эта проблема усугублялась слабым юридическим образованием значительной части самого прокурорско-судебного корпуса, в котором лишь незначительная доля имела соответствующую квалификацию: высшую

степень имели около 43% сотрудников, среднюю – примерно четверть, начальную – треть [15].

Становилось очевидным, что привлечение низко квалифицированных рабочих к выполнению функций общественных обвинителей представляло собой существенный риск, угрожавший как самим участникам процесса, так и престижу самой системы правосудия.

Несмотря на попытки организовать обучение общественных обвинителей, далеко не всегда удавалось добиться значимого результата вследствие низкого уровня финансирования мероприятий и давления производственных нужд предприятий.

Отмечалась тенденция формального подхода ряда сотрудников прокуратуры к привлечению общественности и злоупотребления возможностями её использования в практических целях. Общее развитие данной практики осложнялось проблемами бюрократического характера и нехваткой ресурсов.

Н. Лаговиер отмечал тенденцию сокращения роли института общественных обвинителей после середины 1930-х гг., связывая это с переориентацией усилий прокуратуры и судов на использование иного вида активистов, сформировавшихся вокруг прокуратуры, и улучшением собственной профессиональной деятельности. Автор выделяет ряд обстоятельств, среди которых условия обострения классовых конфликтов, потребовавшие консолидации сил и повышения эффективности органа обвинения [7, с. 24].

Вместе с отмеченными негативными аспектами, существование данного института оказывало положительное влияние на привлечение широких слоёв населения к участию в деятельности органов прокуратуры.

Окончательное прекращение существования института произошло в условиях распространения нарушений законности, фабрикации политических процессов и формирования внесудебных комиссий («троек»), не нуждающихся в участии общественности.

Хотя прямой нормативно-правовой акт, отменяющий участие общественных обвинителей в уголовном процессе, выявить не удалось, представляется вероятным, что сокращение этой деятельности коррелировало с общей деградацией демократических институтов, несмотря на декларации официальных документов того времени о расширении народного участия в государственном управлении.

Вопрос об отмене института рассматривался уже позднее, в частности, в докторской диссертации М.В. Кожевникова, защищённой в Московском университете в

1945 г. [19, с.19].

Тем не менее, начиная с конца 1950-х гг., общественный институт вновь получил законодательное закрепление, предусматривающее возможность участия общественных обвинителей в рамках новых Основ законодательства о судоустройстве и уголовно-процессуальном законодательстве.

Приказ Генеральной прокуратуры СССР от 20 июля 1959 г. предписывал оказание всестороннего содействия общественным обвинителям в осуществлении возложенных на них функций. Аналогичные меры предпринимались в последующих актах Генерального прокурора, направленных на повышение результативности действий органов прокуратуры в сфере противодействия преступлениям и соблюдения законности.

Анализ статистических данных показывает устойчивый рост количества выступлений общественных обвинителей в судах в период до начала 1960-х гг., сменявшийся постепенным спадом в дальнейшем. Относительно стабильные показатели наблюдались в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. Интересно отметить, что подавляющую долю инициатив в привлечении представителей общественности инициировали сами государственные органы, а инициативы местных сообществ оставались редкими случаями [21, с. 187], воспроизводя ситуацию зависимости и контроля сверху, характерную еще для 1920-х гг.

Рассмотрим историю функционирования еще одной общественной структуры, обеспечивавшей взаимосвязь прокуратуры с «пролетарской средой». В конце двадцатых – начале тридцатых годов большое распространение получили группы содействия прокуратуре (ГСП), которые создавались на предприятиях и в учреждениях – в городах, а затем и на селе – при колхозах, МТС, сельских советах. Эти формирования были призваны оказывать помощь органам прокуратуры в борьбе с правонарушениями.

Начиная с 1929 г. подобные группы получили распространение на Урале, позднее, после одобрения этой идеи НКЮ РСФСР, группы стали создаваться повсеместно. Так, в Ленинграде первые десять ГСП создаются к концу 1931 г. По РСФСР на 1 июня 1932 г. в активе прокуратуры насчитывается уже 110890 чел.

Деятельность ГСП с момента их создания оценивалась неоднозначно.

Так, в журнале «Советская юстиция» в 1931 г. была опубликована статья Добринина «Не бюрократизируйте инициативы масс» в которой он подверг резкой критике опыт Урала. Автор высказал справедливое суждение

о том, что для развития общественной инициативы не нужно «зарегистрировывать» деятельность общественных формирований, необходимо избавляться от бюрократического подхода к делу. Однако такая позиция многими не разделялась, и ГСП широко внедрялись в практику. Причем на первых порах они формировались только из рабочих-активистов, представители других слоев населения в их состав не включались. Это было связано с установкой XV съезда ВКП (б), которая применительно к другим органам юстиции была сформулирована Д. Курским.

Позже к участию в ГСП стали привлекаться и другие категории населения. В публикациях начала тридцатых годов указывалось, что в группы содействия могут включаться «лучшие, проверенные общественники-активисты из числа инженерно-технического персонала предприятий, работники торговли, учителя» [6, с. 33].

10 сентября 1932 г. на коллегии НКЮ РСФСР было утверждено Положение о группах содействии прокуратуре [14], которое определяло задачи, порядок формирования, отчетность, организацию работы, права и обязанности ГСП. Прокуратура РСФСР директивным письмом о работе прокуратуры по охране труда и производства ориентировала прокуроров на разнообразие организационных форм ГСП. Стали создаваться специализированные группы по борьбе с браком, нерациональным использованием оборудования, по технике безопасности, и т. д.

В письме за подпись П.И. Акулова от 29 декабря 1933 г. Прокуратура Союза ССР предлагала при помощи ГСП обеспечить надзор за точным и своевременным выполнением органами Наркомлеса, Союзлеспромтряса и других учреждений постановления ЧК СССР от 19 ноября 1933 г. «О договорах с колхозами и крестьянами-единоличниками для лесозаготовок и сплава» [22, л.79].

Во второй половине 1930-х гг. среди научных кругов активно выдвигались гипотезы относительно целесообразности исключения института общественного участия из системы функционирования судебной власти и органов прокуратуры, выраженные формулой отказа последних от взаимодействия с общественными структурами [9, с. 30].

Однако значительная доля практиков-правоприменителей, осознавая факт формального существования большинства общественных групп поддержки (ГСП), где такие объединения зачастую осуществляли несвойственную своим функциональным обязанностям деятельность либо существовали номинально, настаивали на сохранении данного механизма, утверждая, что исключение институтов общественной активности вступает в противоречие с основополагающими принципами

Конституции СССР, определяющими роль правоохранительных структур.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые прокуратурой организационные меры, после 1936 г. отмечается отчетливый регресс эффективности функционирования указанных общественных объединений.

Обобщая имеющиеся данные, Генеральная прокуратура СССР инициировала проведение анализа текущего состояния практики взаимодействия с такими организациями путем рассылки циркуляра от 23 ноября 1937 г., подписанного А.Я. Вышинским, согласно которому констатировалось практически полное прекращение функционирования названных объединений и ставилась задача проведения детальной ревизии существующей практики организации и функционирования ГСП с целью выработки рекомендаций по улучшению качества их работы [22, л.74]. На заседании актива прокуратуры 28 января 1938 г. А.Я. Вышинский говорил: «Нужно обрести новую силу в общении с массами, которые любят наш суд, нашу прокуратуру, доверяют нам и вместе с нами готовы бороться за торжество нашей революционной законности».

Действительно, уже на первых этапах развития этого общественного института наметились отрицательные тенденции, в частности, приписки участия общественности в работе прокуратуры, чрезмерное регулирование их деятельности. Это способствовало разочарованию представителей общественности, снижению их активности и, несмотря на предпринимаемые Прокуратурой СССР усилия, привело к исчезновению данного института.

Третим механизмом, обеспечивавшим взаимосвязь общественности с органами прокуратуры, являлось соцсовместительство. Первый опыт внедрения соцсовместительства органы юстиции провели в начале 1930 г. Был введен институт общественных прокуроров и общественных судей [4, с. 22].

В директивном письме НКЮ № 52 от 1931 года «О связи органов юстиции с общественностью» указывалось, что «участие пролетарского актива в работе органов юстиции все больше и больше принимает характер социалистического совместительства». Деятельность соцсовместителей регулировалась циркуляром № 156–1932 «О работе соцсовместителей райпрокуроров». Они были призваны не только содействовать, но и непосредственно выполнять (конечно, под контролем, наблюдением и руководством) оперативные функции должностных лиц во всем объеме, с теми же правами и обязанностями, как и штатные работники аппарата прокуратуры, от которых соцсовместители отличались только тем, что осуществляли эти функции в свободное время без отрыва

от производства и бесплатно [1, с. 48]. В 1933 г. только по 14 краям и областям насчитывалось более 2120 соцсовместителей [25, 1933, № 10]. К середине 1934 г. имеются данные о 2967 соцсовместителях прокуроров и 291 соцсовместителем следователей [20, с. 12].

Темпы привлечения соцсовместителей постоянно наращивались.

В 1934 г. был выдвинут лозунг: «К XVII съезду партии ни одного судьи, прокурора и следователя без соцсовместителя» [12, с. 16]. Общественность была ориентирована «на слежку за всеми поисками классово-чуждых и разложившихся элементов» [13, с. 28]. Главным принципом работы общественности был классовый подход.

В работе соцсовместителей наблюдались факты нарушения законности. Не редкостью были случаи, когда соцсовместители прокуроров утверждали обвинительные заключения, самостоятельно проводили проверки исправительно-трудовых учреждений, выступали государственными обвинителями в суде. «Соцсовместители» – активисты-общественники, выполнявшие прокурорские или следственные функции без отрыва от основной работы, производили допросы, осмотры, выемки и другие следственные действия. Допускалось и открытое расследование, «когда вопреки требованиям закона, следственные действия производились более или менее широким кругом лиц, публично и без надлежащего процессуального оформления» [17, с. 93].

В отдельных местах выбирались общественные прокуроры. Например, в Бийском районе (Северный Кавказ) было выбрано 15 общественных прокуроров, причем все эти прокуроры явились ответственными работниками советского и профсоюзного аппарата. Все это извращало идею соцсовместительства и идею прокурорского надзора и создавало обстановку полной безнаказанности нарушений закона со стороны советского аппарата, поскольку надзор за законностью был возложен на руководителей этого аппарата.

Во второй половине тридцатых годов соцсовместители были ориентированы «на всемерное повышение революционной бдительности и классового чутья». Журнал «Советская юстиция» помещал подборки об обмене опытом работы соцсовместителей.

Сведения о соцсовместителях исчезают в юридической печати в 1941 г. Думается, данное обстоятельство не являлось случайным. Связь с общественностью в конце тридцатых годов, в период пика репрессий, была необходима, так как и через нее формировалось общественное мнение, в сознание масс внедрялась позитивная оценка царящего беззакония. Не без участия общественности фабриковались дела «врагов народа».

Даже за повреждение оборудования (в том числе по неосторожности) навешивался такой ярлык. Именно с помощью общественности обвинялись миллионы людей по пресловутой статье 58 УК, организовывались демонстрации, одобряющие кровавые процессы, требующие смертной казни для «врагов народа».

Исторический анализ взаимосвязей прокуратуры с общественностью показал, что одни из форм развивались, другие предавались забвению. Каждой из форм была присуща благородная идея широкого участия в борьбе с преступностью. Но сформировавшаяся в недрах государственного социализма бюрократическая система управления проникала во все сферы жизнедеятельности государства. Проявлялась она и в чрезмерном формализации и регулировании деятельности общественности. Инициатива, творчество подменялись инертностью и равнодушием, реальный вклад – дутыми отчетами.

Проведенный нами анализ выявил общую тенденцию в развитии участия общественности в работе прокуратуры. Для нее, как нам представляется, характерны три последовательных этапа: 1) возникновение (иногда даже по инициативе самой общественности), первые положительные результаты, нормативное оформление общественной структуры, ее институционализация); 2) погоня за количественными показателями, стремление к формальному увеличению числа общественников, участвующих в работе прокуратуры; 3) спад движения или исчезновение тех или иных форм (как это произошло в свое время с социалистическими совместителями прокуроров, группами содействия прокуратуре).

Окончательное снижение роли общественных институтов, в том числе общественного обвинения, связано с общими закономерностями процессов стагнации в различных сферах жизнедеятельности общества на протяжении завершающего периода советской государственности в 1970 – 1-й пол. 1980-х гг

ЛИТЕРАТУРА

1. Володарский П.Г. Социалистическое совместительство в органах юстиции – М., 1934.
2. Еженедельник советской юстиции. 1921. №25-26.
3. Ефимочкин В.П. Важнейшие организационные задачи органов юстиции РСФСР // Советская юстиция. 1933. № 10.
4. Ефимочкин В.П. Трудящиеся массы в борьбе за социалистическую законность // Советская юстиция. 1934. № 2.
5. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организация суда и прокуратуры 1917–1954 гг. Сборник документов / Под ред. С.А. Голунского. – М., 1955.
6. Лаговиер Н. Группы содействия – один из важнейших моментов связи прокуратуры с производством // Советская юстиция. 1931. №11
7. Лаговиер Н. Общественный обвинитель в советском уголовном процессе. – М., 1935.
8. Лебединский В.Г., Каленов Ю.А. Прокурорский надзор в СССР. – М., 1957.
9. Лебединский В.Г. Участие общественности в борьбе за социалистическую законность. 1936. № 11.
10. Левакова Э.М. Общественное обвинение и защита. – М., 1976.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.
12. Москвичев. Соцсовместительство в органах юстиции средней Волги // Советская юстиция. 1934. № 7.
13. На страже революционной законности. – Л., 1936.
14. Положение о группах содействия прокуратуре. – Л., 1935.
15. Правда. 1927. 3 апреля.
16. Розенфельд В.Г. Общественные помощники прокуроров и следователей. – Воронеж, 1976.
17. Саричев В. Общественная работа следователя и дружины по борьбе с преступностью // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 40.
18. Сборник циркуляров Наркомата юстиции РСФСР за 1922–1925 гг. – М., 1926.
19. Советская юстиция. 1945. №4.
20. Социалистическая законность. 1934. №12.
21. Тарнаев Н.Н. Общественный обвинитель в суде, – М., 1981.
22. РГАСПИ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.12.
23. Чельцов – Бебутов М.А. Уголовный процесс. – М., 1948.

© Зеленин Алексей Анатольевич (aazelenin@yandex.ru), Гаврилов Станислав Олегович (gavrosh66@mail.ru),
Блинов Алексей Владимирович (blinov_alexey_vlad@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»